

Большое евразийское партнерство: создавая новый мир

Глазьев С. Ю.

главный редактор, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация;
<http://glazev.ru/>

A Great Eurasian Partnership: Building a New World

Sergei Y. Glazev

Editor-in-Chief, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economics), Professor, Moscow, Russian Federation; <http://glazev.ru/>

В настоящее время, в соответствии с объективными закономерностями долгосрочного экономического развития, мир переходит к новым технологическому и мирохозяйственному укладам. Одновременно совершается технологическая революция и смена системы институтов, определяющих воспроизводство национальных и мировой экономик.

Смена технологических и мирохозяйственных укладов — болезненный процесс, сопровождающийся структурным кризисом, экономической депрессией, обострением военно-политической напряженности. Отсюда повсеместная неразбериха. Властно-хозяйственные отношения, сложившиеся в ходе предыдущего цикла эволюции мировой экономики, защищаются заинтересованными в их продолжении элитами и обслуживающими их институтами любыми средствами, вплоть до мировых войн. Но победителем в этих войнах всегда оказывался новый лидер, носитель более эффективной системы производственных отношений, институты которых затем копировались другими странами, распространяясь в мире, и формировали новый мирохозяйственный уклад.

Так, в прошлом веке Великобритания, стремясь сохранить свое лидерство, спровоцировала две мировые войны между наиболее опасными для себя конкурентами, но так и не смогла удержать свою колониальную систему, эксплуатируемую в настоящее время американскими транснациональными корпорациями. Сегодня исчерпание потенциала роста доминирующих в уходящем с авансцены укладе США уже провоцирует разбалансировку международных отношений; и там, где это приемлемо с точки зрения гипотетического эффекта отдачи, американцы применяют силу преимущественно гибридного типа.

Наглядный пример арьергардного вторжения США в евразийские дела — Украина, являвшаяся до 2014 г. опорной страной для реализации планов широкой региональной экономической интеграции с участием России. Собственно, смыслом разрушившей практически все конкурентоспособные элементы украинской научно-производственной системы, инспирированной Госдепартаментом и Пентагоном, и госпереворота с последующим установлением американского контроля было именно недопущение участия республики в формировании Таможенного союза и ЕАЭС в качестве полноправного участника. Экономическое объединение с ее членством, напомним, сулило ЕАЭС ощутимые экономические преимущества, оцениваемые в 1,5 трлн долл. прироста ВВП до 2030 г. Такого развития событий с восстановлением кооперационного взаимодействия России и Украины в рамках работоспособного союза еще живущий в парадигме «холодной войны» и теряющий рычаги управления «гегемон» не мог допустить.

Противостояние зарождению еще более крупных, нежели ЕАЭС, субконтинентальных группировок в Евразии выстраивалось до недавнего времени в логике глобального распространения отношений свободной торговли, что предполагало заключение двух трансокеанских торгово-экономических соглашений: «О Транстихоокеанском партнерстве (ТТП)»¹ и «О Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП)»². Несмотря на тактическое отступление Трампа от заданных его предшественником геополитических приоритетов в части либерализации торговых режимов с основными торговыми партнерами США, расценивать этот маневр следует трезво и прагматично. Будучи, по сути, частью перкинсовской «корпоратократии», вероятность того, что нынешний хозяин Белого дома добровольно откажется от императива в духе демократов-неокон-

¹ Text of the Trans-Pacific Partnership [Электронный ресурс]. URL: <http://tpp.mfat.govt.nz/text> (дата обращения: 10.01.2019).

² Directives for the Negotiation on the Transatlantic Trade and Investment Partnership between the European Union and the United States of America [Электронный ресурс]. URL: <https://marietjeschaake.eu/wp-content/uploads/2013/06/TTIP-mandate.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).

серваторов «Америка прежде всего», что предполагает в том числе товарно-денежную экспансию на крупнейшие рынки, формирующие спрос, очень невелика. Тем более что, по экспертным оценкам, потенциальный эффект от создания ТТИП измеряется суммой в 100 млрд долл. дополнительного выпуска продукции и возможностями увеличения американского экспорта минимум на 20%.

В отложенном же, но не аннулированном окончательно соглашении с ЕС международная корпоратократия и финансовая олигархия являются бенефициарами не столько в части выгод от расширяющихся торговых возможностей, сколько в части норм заложенного в него инвестиционного партнерства. Например, предусмотренные ТТИП нормы содержат новеллы относительно правовой защиты интересов иностранных инвесторов (преимущественно американских ТНК), которые создают им серьезные преимущества относительно резидентов европейских стран, подрывают сложившуюся в них правовую систему, а также ущемляют интересы граждан и ставят в зависимое положение государства. Речь идет о процедурах урегулирования споров между инвестором и государством, в рамках которых первые получают возможность специального международного (вне национальных юрисдикций) арбитража в отношении ущемляющих их интересы законодательных актов национальных правительств.

Необходимо отметить, что ни одно из затронутых выше соглашений, органично дополняющих американскую картину мира в части формирования зон экономического влияния, не предусматривает участие Китая, Индии, а также других стран БРИКС, хотя на долю последних уже приходится 16% мировой торговли, 30% ВВП, 25% инвестиций, 26% территории и 42% населения.

У России, ищущей альтернативные развилки экономической интеграции в рамках инициативы Президента В. В. Путина по созданию Большого евразийского партнерства (БЕП), есть опора на ключевого в АТР «азиатского тигра» в лице КНР. Ее председатель Си Цзиньпин в обоснование акселерации центростремительных тенденций между взаимно тяготеющими государствами континента на прошедшем во Владивостоке экономическом форуме терминологически и идеологически обозначил суть конструируемой интеграционной группы — Экономическое кольцо Северо-Восточной Азии. С трибуны ВЭФ-2018 это прозвучало так: «Необходимо в приоритетном порядке повышать уровень взаимосвязанности транснациональной инфраструктуры, в сфере либерализации и упрощения торгово-инвестиционных процедур, содействовать ликвидности рынка, передвижению капиталов и технологиям, оптимизировать ресурсное обеспечение и индустриальную структуру, сообща построить открытую региональную экономику и создать экономическое кольцо Северо-Восточной Азии... Мы готовы вместе со всеми странами глубоко изучать возможности развития сотрудничества по другим многосторонним и субрегиональным форматам, чтобы запустить больше практических проектов на благо народов региона. В этом рассчитываем на большую роль Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути в плане финансового сопровождения... С учетом таких факторов Северо-Восточной Азии, как различные модели и неравные уровни развития, быстрые темпы роста экономики и многочисленные совместные проекты, странам региона важно, основываясь на реальности, работать на долгосрочную перспективу, интенсифицировать планирование и координацию — с тем, чтобы осуществить гармоничное и устойчивое развитие экономики и общества, ресурсов и окружающей среды, человека и природы»¹.

По сравнению с преобладающе фигурировавшими идеологемами «Экономический пояс нового Великого шелкового пути» и «Один пояс — один путь» в новый термин, подчеркивающий российский фактор интеграции, закладывается новое содержание, подтверждающее своевременность цели создания БЕП. Такое кольцо Северо-Восточной Азии предположительно должно строиться путем гармонизации национальных стратегий развития посредством усиления связности хозяйственных комплексов участвующих в нем стран. В этом контексте российской стороне важно добиться результативности национальной программы опережающего развития Дальнего Востока, иначе задуманное кольцо превратится в треугольник мощного экономического взаимодействия Китая, Японии и Республики Корея. Выдвинутый председателем КНР концепт создания широкой зоны сотрудничества предполагает вариативность используемых интеграционных пакетов. Так, между ЕАЭС с КНР действует носящее непреференциальный характер соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве; с Вьетнамом Евразийский союз имеет отношения свободной торговли; в Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют десятки торговых соглашений, отличающихся модальностью, широкой охвата сфер и подходов к регулированию внешнеэкономической деятельности.

При всем разнообразии форм и механизмов субрегиональной и континентальной экономической интеграции (за исключением процессов в сегодняшнем ЕС) все они исходят из представления

¹ Нагорный А., Коньков Н. Россия и Китай открыли Северо-Восточный фронт против «коллективного Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/dvojnoj_udar_po_pax_americana (дата обращения: 10.12.2018).

о суверенитете и субъектности интегрируемых государств, ориентированы на общее понимание взаимной выгоды и отсутствие какой-либо дискриминации одних по отношению к другим. Такой подход полностью соответствует философии Интегрального мирохозяйственного уклада. В пике уходящему имперскому укладу, исповедующему доктрину либеральной глобализации, новый уклад (называемый также «Азиатским циклом накопления капитала») сегодня формируют Китай, Индия и другие страны БРИКС и ШОС. В отличие от несущего постулата т. н. «Вашингтонского консенсуса» о дерегулировании экономик, эти страны с теми или иными оговорками создают систему управления экономическим развитием, сочетающую государственное планирование и рыночную самоорганизацию, подчиняя свободу предпринимательства задачам повышения общественного благосостояния. Не максимизация прибыли любой ценой, характерная для имперского мирохозяйственного уклада, а наращивание производства для повышения уровня жизни населения, исходя из принципа гармонизации интересов различных социальных групп, является движущим мотивом производственных отношений нового мирохозяйственного уклада. Если руководствоваться принципами выстраивания международных экономических отношений, исключая подчинение и навязывание чужой воли, то к оформившемуся ядру нового уклада, пока, правда, с натяжкой, можно прибавить страны Индокитая, Иран, Пакистан, а также в перспективе — Японию, Республику Корея и ЕАЭС.

Необходимо признать, что воспроизводственные процессы в государствах последнего, несмотря на формальную суверенность, по-прежнему характеризуются крайней внешней зависимостью. Это, в свою очередь, обуславливает неубедительные макроэкономические показатели результатов собственно евразийской интеграции, уровень которых в силу преимущественно субъективных причин ниже предкризисного 2013 г.

Чтобы преодолеть интеграционную стагнацию, государства ЕАЭС должны заняться внутренним обустройством, применяя схемы, успешно реализованные в странах ядра интегрального мирохозяйственного уклада. При этом, прежде всего, России, если она действительно нацелена на формирование конкурентоспособного Большого Евразийского пространства, учитывающего ее интересы, следует задуматься о создании суверенных каналов формирования госинвестиций. Как показывает опыт КНР и Индии, вслед за их ростом происходит приращение и частных инвестиций: субъекты предпринимательства опираются на снижение рисков и используют государственную инфраструктуру. В свою очередь, государство проводит антициклическую политику, обеспечивая кредиты экономике в периоды спада частной инвестиционной активности.

Таким образом, любые формы континентальной интеграции и экономического партнерства с государствами и их коалициями, как на Востоке, так и на Западе, будут игнорировать наши государственные интересы, если эффективность народнохозяйственной системы России, характеризующаяся ежегодным приростом ВВП на душу населения, а также фактическим распределением этого продукта, будет балансировать недалеко от границ статистической погрешности. При этом ссылки на мировую финансово-экономическую конъюнктуру и неизбежность ретрансляции внешних шоков на нашу экономику в силу ее открытости давно перестали быть состоятельными, поскольку другие открытые экономики растут гораздо более высокими темпами. Согласно прогнозу МВФ, на фоне 1,5–1,7% роста в 2018–2019 гг. темпы роста ВВП в США составят 2,2–2,3%, в Китае — 6,4–6,6%, в Индии — 7,4–7,8%, в среднем по АСЕАН — 5,3%.

В целом гармонизация интересов по широкому кругу вопросов в Евразии, учитывающая особенности каждого участника региональной интеграции, на уровне теоретических представлений и проектировок выгодно отличается от отношений «ведущий–ведомый», закладываемых ориентированными на США проектами мегарегиональных торгово-экономических группировок. Впрочем, пока инициатива БЕП не обрела своего практического воплощения и не синтезированы первые оценки баланса плюсов и минусов в каждой паре стран — участниц партнерства, делать далеко идущие выводы о его преимуществах для России преждевременно. Вместе с тем абсолютно необходимой представляется постановка российской стороной целей и задач нашего участия в БЕП, формулирование ожиданий от реализации конкретных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс — один путь» как ключевого звена широкого евразийского партнерства.